

ЭЛЕОНОРА ГЕОРГИЕВНА ШЕСТАКОВА

(Донецк, Украина)

Мемориальная культура и массмедиа Донецка: март–август 2014 года

Słowa kluczowe: kultura pamięci, przemysł pamięci, dziennikarstwo, prasa, mediapolis.

Ключевые слова: мемориальная культура, мемориальная индустрия, прикрывающие воспоминания, журналистика, пресса, медиаполис.

Key words: memory culture, memory industry, journalism, press, mediapolis.

Основные цели и задачи этой статьи – проанализировать, как в Донецке в марте–августе 2014 г., в один из самых напряженных моментов политического катаклизма, обернувшегося оккупацией и войной на Донбассе, массмедиа с помощью механизмов, моделей, образов, символов мемориальной культуры манипулировали общественными настроениями, формировали ключевые идеологии, опираясь на культ памяти. Важным представляется показать то, как и с опорой на какие риторически-идеологические приемы в массмедиа Донецка функционировала „мемориальная индустрия” (Чарльз Майер), создавая „прикрывающие воспоминания” (Майер) для событий, которые должны были нивелировать пагубность идей сепаратизма, войны, последствий геополитической трагедии.

Такие цели и задачи исследования обусловлены не только ситуацией гибридной войны и оккупации части Донбасса, но и явлениями, феноменами мировоззрения современной европоцентричной культуры, которые задают превалирующую систему координат для их восприятия. Одно из них – мемориальная культура, превратившаяся из ценности, обладающей почти сакральными свойствами, в средство формирования массовых настроений. Проблема мемориальной культуры в начале XXI в. стала актуальной и для сферы науки, и для социальной жизни, и для повседневности современного общества, и даже обыкно-

венного человека, далёкого от сфер высокой политики. Она всё больше оказывается не только конструктом, который функционирует в сфере науки, философии, но и практикой жизнедеятельности всех социальных страт. Культ прошлого, общественно-исторической памяти – это одна из основ мемориальной культуры, которая захватывает не только сферу мировоззрения, но и мироощущения человека. Апеллируя к событиям и героям прошлого, формируя их образы для массового сознания, мемориальная культура управляет настоящим и создает идеологемы будущего. При этом она проявляет свойства, роднящие её с идеологией новейшего времени, когда, по мысли Жана-Люка Нанси, „мир перестает схватываться в виде фигуры, исчезает цепь власти, цепь существования, остается лишь постоянно разрастающаяся идеология, в которой натренированы массы и которая обладает собственной рациональностью. Сами массы могут быть иррациональны, но механизмы, которые ими овладевают и которые их используют, рациональны” [Нанси 2002: 113].

Мемориальная культура, точнее механизмы, модели, с помощью которых она работает, предельно рациональны, сильны. Но при этом они значимы, прежде всего, в виде образов коллективных чувств, эмоций и для масс, и для обыкновенного человека как своеобразная социально-этическая основа, принципы их жизнедеятельности. Мемориальная культура привлекает, соблазняет общество и человека возможностью и как бы доступностью в настоящем пережить опыт, знания, чувства уже произошедшего и предать их рефлексии, как бы изменяя в этом процессе то, что изменить невозможно. Этим создаётся сильное и прочное эмоционально-чувственное поле, служащее для общества и человека своеобразным „наркотиком памяти” (Майер, Алейда Ассман), через который во многом и работают современная политика, идеология. Мемориальная индустрия максимально использует этот механизм мемориальной культуры, поддерживая и усиливая его возможностями массмедиа для воздействия на массовое сознание. Мемориальная индустрия осуществляет свои интенции с помощью массмедиа, максимально полно и действенно применяя то, что Поль Рикёр в книге *Память*,

история, забвение определяет в качестве ключевой взаимосвязи структур человеческого опыта, переживаемого опыта и средств их вербального выражения в языковой среде. Массмедиа не только и не столько представляют рассказы о прошлом, сколько воплощают, превращают его в медиатексте с помощью нужных риторических кодов, социолекта, визуального ряда, идеологем, нивелирующих личный опыт переживания прошлого, в массово значимые образы и идеи. Мемориальная индустрия, прежде всего при поддержке массмедиа, играет и манипулирует с единством индивидуальной и коллективной памяти, когда „[...] коллективная память – это память о моральной обязанности осуществлять справедливость или допускать ее воплощение” [Рикёр 2004: 10]. Однако эксплуатирование событий и опыта прошлого может привести к тому, что „способ, каким провозглашается долг памяти, может выглядеть злоупотреблением памятью, подобным [...] манипулированию памятью” [Рикёр 2004: 129].

Мемориальная культура в 2000–2010-х гг. прошла эволюцию от искомого и необходимого ценностно-этического ориентира современной культуры, общественно значимого идеала памяти до состояния „нового недовольства” (Ассман) ею. Но при этом она оказалась наиболее удобным и приемлемым способом осуществления многих социально значимых задач [Куртин 2002; Рикер 2004; Адорно 2005; Кёниг 2005; Шеррер 2009; Подорога 2012; Ассман 2014; Ассман 2016; Ассман 2017]. Это обусловлено несколькими ключевыми факторами. В первую очередь, угрозой дестабилизации геополитического положения в европоцентричном мире и в определенной мере утратой им общности идеологии, ценностных ориентаций, когда пришло осознание: „универсалистские дискурсы права и морали позволяют себе злоупотреблять особо коварной формой легитимации, потому что за блестящим фасадом разумной всеобщности могут скрываться частные интересы” [Хабермас 2008: 28–29]. К этим частным интересам Юрген Хабермас относит корпоративный капитализм, классический фашизм и многие его современные разновидности, вплоть до попыток силового внедрения ценностей демократии и вызванных им войн. Ещё один фактор – усиление ведущей роли

массмедиа в гибридных войнах и утратой ими своих собственно журналистских принципов и позиций. Серьёзная пресса, по мнению Хабермаса, все меньше осуществляет роль „спинного хребта политической публичности“, что приводит к уменьшению ее влияния на предпочтения, убеждения и ценностные ориентации современного общества [Хабермас 2012: 105–110]. В массмедиа снова, как в эпоху холодной войны, активизируются различного рода манипуляции общественными умонастроениями и пропагандистская функция. Эта функция активно, целенаправленно апеллирует к культурной памяти европейского человека, который слишком хорошо и через личный, семейно-родовой опыт, и образы коллективной памяти помнит катастрофические события „краткого“ XX века (Хабермас): Первая и Вторая мировые войны, образование и распад СССР, концентрационные лагеря, национально-освободительные революции, локальные войны, массовые потоки беженцев, мигрантов.

На сегодняшний день очевидно: активные попытки изменения геополитического пространства Европы невозможны без обращения к культурным умонастроениям обыкновенных людей, их интерпелляции. „Мягкий“ призыв к социально-культурной и повседневной памяти обыкновенного человека запускает и реализует функцию идеологического узнавания, которое более действенно, обладает сильными, прочными механизмами и средствами воздействия, чем традиционная пропаганда. По мысли Луи Альтюссера и Славоя Жижека, идеология почти незаметно „рекрутирует“, а затем трансформирует своих субъектов через своеобразное окликание (запрос, призыв), которое заставляет человека, как бы добровольно, узнать, идентифицировать себя в этом призыве. Ориентации, поступки, желания обыкновенного человека, их цели, способы достижения, последствия невозможно понять без учёта того, что содержит в себе понятие мемориальной культуры, включая долг памяти, культ героев, жертв и возможности забвения. Об этом давно пишут исследователи, представляющие различные направления, течения гуманитарной науки (Поль Рикёр, Мартин Бубер, Хана Арндт, Юрген Хабермас, Луи Альтюссер, Славой Жижек, Теодор Адорно, Поль Нора, Ян

Ассман, Алейда Ассман, Райнхарт Козеллек, Валерий Подорога). При этом есть один из моментов, который объединяет их позиции. Он касается вопроса морали и ответственности массмедиа за современность и процесс формирования социальной, исторической, коллективной памяти, „справедливой памяти” (Рикёр), а также границ, соблазнов, ловушек забвения мемориальной культуры. Не случайно Рикёр настаивает: „Слова «ты будешь помнить» означают вместе с тем «ты не забудешь». Возможно также, что долг памяти представляет собой одновременно высшую точку и правильного использования памяти, и злоупотребления ею” [Рикёр 2004: 126]. Массмедиа в этом процессе занимают одну из ведущих позиций в связи с тем, что современный человек и общество в целом не живут только семейно-родовыми связями и питающей их памятью. Их социально-повседневные формы жизни постоянно предопределяются образами, идеями, создаваемыми массмедиа, которые интерпеллируют человека, образуя „сферу конфликтов между индивидуальной, коллективной и исторической памятью в той точке, где живая память выживших людей наталкивается на дистанцированный и критический взгляд историка, не говоря уже о взгляде судьи” [Рикёр 2004: 126].

Ретроспективный и убедительный анализ многочисленных событий Первой и Второй мировых войн, Холокоста, нацизма, тенденций их восприятия, осмысления в течение 100 лет позволяет согласиться с такими выводами философов, социологов, психологов. Однако возникает вопрос: применимы ли такие подходы, такое видение функций и заданий мемориальной культуры к новейшей истории? Точнее так: насколько допустим такой подход к тем событиям современности, которые до сих пор не стали или становятся непосредственно „здесь-и-сейчас” историей? Насколько или под каким углом зрения для их понимания важны понятия мемориальной культуры, мемориальной индустрии, прикрывающего воспоминания, массмедиа, морали? Речь в первую очередь идёт о войне на Донбассе и событиях весны–лета 2014 г. Это период, когда в массмедиа, во-первых, наиболее отчётливо были видны следы и последствия предыдущих игр с культурной памятью [Шестакова 2015b; Шестакова 2018]. Во-вторых, максимально полно

фиксируются, отображались растерянность власти и журналистов Донецка, хаос социальных, экономических, политических, повседневных событий, вызванные общественными катаклизмами, военными действиями. В-третьих, ещё отсутствовала господствующая идеология и люди руководствовались идеями, ценностями мемориальной культуры, которые были сформированы предыдущими идеологиями и житейским опытом, складывались на основе жизни в двух национально-государственных системах: СССР и независимая Украина. В-четвёртых, через массмедиа, в которых активизировались пророссийские настроения, задаваемые ими ценностные ориентации, происходило становление новых смысловых маркеров мемориальной индустрии и сопутствующих им прикрывающих воспоминаний.

В связи с этим цель и задачи работы необходимо уточнить так: на материале двух ведущих газет Донецка („Донецкие новости” (ДН) и „Муниципальная газета” (МГ)) проанализировать тенденции отображения, нивелирования и формирования мемориальной культуры в марте–августе 2014 г.; показать особенности интерpellации обыкновенного человека через обращение к его культурной и социально-коллективной памяти; обозначить следы и особенности мемориальной индустрии, которая способствовала активизации политического, военного конфликтов; отметить направления и задачи „злоупотребления памятью” (Рикёр) в журналистских материалах, что задавало тенденции хаотизации социально-повседневной действительности. Материал исследования выбран неслучайно.

„ДН” и „МГ” – это официальные региональные газеты, которые длительное время, почти весь период независимости Украины и до войны 2014 г., образовывали „медиаполис” (Роберт Сильверстоун) Донецка, были значимы и для жителей его городов-спутников. Кроме традиционных печатных вариантов, у этих изданий были интернет-версии: адреса сайтов читатель получал уже на обложках, а затем на всех страницах газет. „ДН” позиционировали себя в качестве „газеты №1 в Донбассе”, „МГ” отмечала, что она – „Официальное издание Донецкого городского совета”. В „МГ” постоянно публиковались официальные документы, распоряжения

городских властей. Оба издания выходили в сложном цветовом решении: комбинировали цветные и черно-белые фотоматериалы, рекламы. Главный редактор „ДН”, в том числе весной–летом 2014 г., – Римма Филь, которая из номера в номер давала развёрнутую аналитическую статью о происходящем в и с Донбассом, чётко фиксируя и отражая в медиаязыке позицию издания. Главный редактор „МГ” в тот же период – Елена Блоха, которая сама крайне редко публиковала материалы, делегировав права обзора новостей и аналитики местным журналистам, работающим в издании, известным людям города, длительное время сотрудничавшими с ним. Оба главных редактора были профессиональными журналистами, давно занимали эти должности и последовательно формировали свой медиаобраз и общую информационную политику изданий, были знакомы, привычны для жителей региона, их позиции весной–летом 2014 г. не вызвали слома „горизонта ожиданий” (Роберт Яусс) читателей. В „ДН”, помимо материалов местных журналистов, чиновников, ученых, историков, врачей, юристов, в каждом номере публиковались перепечатки материалов из российских СМИ, их ведущих блогеров о событиях на Донбассе и в Украине, иногда публиковались материалы западноевропейских, американских аналитиков. Этого почти не было в „МГ”, стремившейся сосредоточиться на донбасском взгляде на региональные события.

„ДН” и „МГ” – это две ведущие донецкие газеты, которые были сфокусированы на Донецке (Донбассе), давно выстроили и собственный медиаобраз, и коммуникацию с жителями региона. Это была двунаправленная коммуникация, базирующаяся и на собственно журналистских материалах о событиях в городе, регионе, стране, мире, и на откликах, запросах, вопросах горожан к журналистам. Обе газеты, особенно „ДН”, были наполнены рекламой местных торговых сетей, продукции, анонсами культурных мероприятий, телепрограммами. Донецк и его городаспутники получили в „ДН” и „МГ” объёмное и семантически, идеологически выверенное, стабильное медиаовложение с константными темами, проблемами. Их медиаобраз отражал и во многом вырабатывал настроения, ценностные ориентиры, основы, принципы для идентификации горожан, формируя сильную региональную культуру. Она

одновременно апеллировала к промышленным, бизнес, научным, культурным, спортивным достижениям современности и опиралась во многом на „славное прошлое Донбасса“, как это определяли в массмедиа. Прошлое входило и закреплялось в сознании читателей через обилие журналистских, научно-популярных материалов местных ученых, краеведов об исторических фактах, событиях, людях Донбасса. Издания с помощью композиции (постоянных рубрик), идейно-смыслового наполнения материалов, жанрово-стилистической организации (стабильный состав штатных и внештатных журналистов, экспертов, сотрудничавших с изданиями со свойственным им индивидуально-авторским стилем), обилия профессионально подобранных фотоматериалов выстраивали медиаобраз Донецка. Точнее так, „ДН“ и „МГ“ (вместе с „Вечерним Донецком“, который в этой статье не анализируется) сформировали своеобразный медиаполис. Весной–летом 2014 г. „ДН“ и „МГ“ активно продолжали его выстраивать, внося коррективы, обусловленные трагическими событиями: конфликт элиты Донбасса и новой украинской власти, социальная растерянность, проявление идей сепаратизма, погромы, отсутствие единого, четкого видения ситуации городской, областной властью и практических действий по стабилизации положения, военная агрессия, начало оккупации. Всё это отчетливо проявлялось в журналистских материалах „ДН“ и „МГ“, поддерживаемое и усиливается публикациями статей, реклам, объявлений о выполнении плановых работ в коммунальном хозяйстве, промышленности и развлекательных массовых мероприятиях. Медиаполис Донецка формировался этими изданиями так, чтобы максимально активизировать у читательской аудитории образы, механизмы мемориальной культуры, которая зачастую дестабилизировала жителей, нежели давала ответы и направления для мировоззренческой ориентации, выбора в крайне неоднозначной и хаотизированной действительности.

Понятие медиаполис, которое, по нашему убеждению, неразрывно сопряжено с мемориальной индустрией, – это одно из новых понятий современной теории массовой коммуникации. Сильверстоун вводит и обосновывает его в книге *Media and Morality: on the Rise of the Mediapolis* (*Массмедиа и Мораль: на подъеме Медиаполиса*)

(2006): „Медиаполис – это моральное пространство, пространство гостеприимства, ответственности, обязательств и суждений. И спрашивающий о его настоящем и будущем должен быть требователен и внимателен к вопросам справедливости в массмедиа, медийной грамотности и регулирования массмедиа” [Сильверстоун 2006]. Специалисты поддержали эту идею, акцентировав внимание на „моральном значении массмедиа как первой основы понимания людьми мира. [...] том, что массмедиа могут рассматриваться как способствующие или запрещающие, облегчающие или отрицающие нравственную жизнь. [...], что массмедиа не являются и, следовательно, не должны рассматриваться как придаток к социальным, политическим, экономическим и культурным процессам, а скорее вписываются в эти процессы” [Orgad 2007]. Главное, что „в мире, изобилующем образами и рассказами, необходимо сделать акцент на наших общих способностях, чтобы иметь возможность читать и интерпретировать этот мир по-новому. [...] наша моральная ответственность за наших соседей так же важна, как и для незнакомцев” [Stevenson 2007]. О важности морального начала в массмедиа, о влиянии их на социальную позицию, повседневность, на облик гражданского общества пишут и российские ученые, непосредственно работающие с новым понятием [Корконосенко 2004].

Однако, как представляется, через понятие морально-этических ценностей, долга медиаполис взаимосвязан с мемориальной культурой и мемориальной индустрией. Они через образы и рассказы действуют, по крайней мере в идеале, в одном направлении, помогая осуществляться друг другу. Серьёзные массмедиа невозможны вне морально-этической системы ценностей, знаний, памяти о прошлом. Долг памяти, как настаивает Рикёр – это интерпелляция идеей справедливости и социальной идентификации не только по отношению к прошлому, но и настоящему, а через него – гарантия справедливости для человека, коллектива в будущем. В этом плане эти понятия – медиаполис и мемориальная индустрия – близкородственны, им присущ политико-идеологический и морально-этический характер. Это подтверждает и опыт Донецка, особенно весны-лета 2014 г.

В этот период на страницах „ДН” и „МГ” наблюдаются весьма интересные и показательные тенденции в игре образами, идеями, героями мемориальной культуры и нормами общественной этики, социально-моральными ценностями.

Во-первых, публикуется много материалов, посвященных социальным и военным катаклизмам в Донецке, что закономерно, учитывая то, чем жили тогда дончане. Это и новостные, и аналитические статьи о происходящем в городе, и обзоры политических событий в Киеве, который всё чётче позиционируется на страницах „ДН” и „МГ” в качестве оппозиции Донецку, региону в целом. Но показательное другое: журналистские материалы были актуализированы событиями Второй мировой войны, которая в социально-культурной памяти советского человека запечатлена как Великая Отечественная война. Это тоже может показаться вполне естественным, если учесть, что это была последняя официальная (не учитывая Афганской, до сих пор не получившей однозначного толкования) война, память о которой сопряжена одновременно и с трагическими утратами, и с идеей великой победы. Эта война для советского человека сакрализована, во многом благодаря мемориальной индустрии СССР.

Понятно, что события марта-августа 2014 г. предсказуемым образом соотносились в коллективной памяти Донецка с эпохой немецкого фашизма. Особенно если учесть, что живы люди, непосредственно принимавшие участие в военных, партизанских действиях, и те, чье детство, отрочество было связано с фашистской оккупацией, восстановлением Донбасса после войны. Кроме того, необходимо учитывать ещё два фактора: в Донецке даже в девяностые годы не прекращалось системное празднование 9 мая – Дня Победы, а донецкие журналисты публиковали газетно-журнальные статьи, документально-публицистические книги, посвященные годам фашистской оккупации Донбасса [Шестакова 2015а; Шестакова 2015b]. В „ДН” и „МГ” многие названия журналистских материалов о текущих событиях, которые не всегда были связаны с военными действиями, однако корреспондировали через цитацию, аллюзии, реминисценции с образами, названиями известных книг, песен, кинофильмов о Великой Отечественной

войне: *Крутое пике* („МГ” 2014, №10 (661), 7 марта); *Битва за Донецк*; *«Ребята, будем жить!»* („МГ” 2014, №22 (673), 30 мая); *Журналисты на передовой* („МГ” 2014, №25 (676), 20 июня); *Завтра была война*, *Раскаты двух войн* („МГ” 2014, №27 (678), 4 июля).

Всё же проблема не в том, что события и ситуации прошлой и настоящей войны соотносились между собой, что массмедиа это активно и охотно использовали, а в том, как и с какой целью это делалось. Показательно, что события Великой Отечественной войны не давались как однозначно трагические, они непосредственно и чётко не соотносились с травмирующим историческим, коллективным, личным, социально-повседневным, национально-государственным опытом, как это было в журналистике СССР и девяностых годов – эпохи начала независимости Украины. Ценностно-идеологические акценты незаметно, почти контрабандой, но изменялись, что приводило не только к трансформации образа прошлого, но и настроений, ориентаций современного Донецка. События Великой Отечественной войны в СССР и девяностых годах связывались с памятью, опытом ужасов войны, недопустимости новых жертв, трудной, трагической победы, её героев. Весной–летом 2014 г. входит и активизируется новый нюанс: те события стали соотноситься с опытом относительно нормального социально-повседневного выживания в оккупации и после неё.

Например, в №14 (1186) 10–16 апреля 2014 г. „ДН” размещают в рубрике *Судьба* материал Анатолия Жарова *Николай Порхунов. Легенда донецкой архитектуры*. Он посвящен „110-летию со дня рождения известного донецкого зодчего”, как это отмечено в лиде статьи. Порхунов построил много известных зданий не только по всему Донбассу, но и в России, на что акцентируется внимание. В части, названной *Нелегкая жизнь в оккупации и участие в Великой отечественной войне*, журналист приводит такие факты: „С октября 1941 по март 1944 года Порхунов находился на оккупированной фашистами территории. «Попал в оккупацию в городе Сталино [одно из бывших названий Донецка – Э. Ш.] и был по принуждению архитектором в отделе городского хозяйства. Затем выехал на родину жены в Херсон. Во избежание отправки в Германию работал в Херсонском облпроекте чертежником. 4 ноября 1943 года в связи

с эвакуацией мужского населения немцами ушел в Николаев. Попал в лагерь и бежал оттуда, переправившись через Буг, на свою родину в местечко Кривое Озеро и село Великий Бобрик, где жил у родни» – написал донецкий зодчий в своей личной карточке” (с. 41, 49). Далее в стиле перечисления фактов указывается, что Порхунов воевал в рядах Советской армии, был ранен, награжден медалью „За победу над Германией”, а в „мирное время был отмечен еще двумя государственными наградами Советского Союза – орденом «Знак Почета» в 1958 году и медалью «За трудовое отличие» в 1966 году” (с. 49). Примечательно, что журналист, уделивший внимание профессиональной деятельности Порхунова, описанию его семейной жизни, скупо и бегло рассказал о годах оккупации, не показал трудности жизни в ней, делегировав право живого голоса, воспоминаний ни архитектору, его близким, друзьям, а официально-формальной записи в учетной карточке. Этот прием позволил и ввести как бы максимально объективное, безличностное, безэмоциональное повествование о сложных годах, событиях оккупации, судьбе человека, и задал особый образ тех событий, предопределяемых ими возможностей для жизни. Исходя из записи в карточке Порхунова, вопреки и многочисленным воспоминаниям людей, переживших фашистскую оккупацию, и разысканиям историков, журналистов, выстраивается нетрадиционная картина жизни в оккупации, что задает тенденции к формированию новой идеологемы той войны. После прочтения этого медиатекста, который использует лаконичную, рассчитанную на официальное представление в государственных структурах, жизненно важную информацию, вполне можно сделать следующий вывод. Человек в оккупации мог работать по специальности, не испытывать материальных лишений, утеснений личных свобод, угроз жизни, свободно передвигаться по оккупированной территории по личному желанию, легко найти работу по своей специальности на новом, добровольно выбранном месте жизни, а затем без особых проблем пережить лагерную жизнь, побег, проверку советскими органами безопасности. Этот человек после войны смог стать почетным, авторитетным гражданином, занимать руководящие

должности, снова-таки благодаря своему профессионализму и умению использовать стечение обстоятельств.

Вполне логично предположить, что у читателей этого материала, которых на обложке этого же номера представляют как бунтарей, повстанцев (коллективный материал Анатолия Жарова, Дмитрия Колесникова, Андрея Тютюникова *Бунт... Чего на самом деле хотят протестующие в Донбассе*), должно было сложиться следующее впечатление. Если во время фашистской оккупации, о зверствах, ужасах которой столько слышали в рамках школьной программы, через СМИ СССР и независимой Украины, можно было неплохо устроиться, если работать на хозяина, то почему надо сейчас переживать? Если об ужасах тогда гнали пропаганда и СМИ? Может быть, не стоит и сейчас особо волноваться по поводу штурма областной администрации? Не надо переживать и из-за того, что „строить баррикады перед зданием ОГА и на его подступах митингующие начали по всем правилам военной науки“, что „прессу с Октябрьской площади «защитники» облсовета просто изгоняют, не считая «проверенных» съемочных групп российского телевидения” (с. 4)? Ведь и после катаклизмов и при любых хозяевах жизни можно неплохо устроиться, как например Порхунов.

„ДН” давали одновременно противоречивые послы своей аудитории, когда в одном материале показывали ненормальность и штурм донецкого облсовета, и пиетет перед российскими СМИ, и поддержку бунта против Киева дончанами, строившими баррикады, атаковавшими отряды милиции, админздания, и руководством города: „Людей не хотят слышать, в первую очередь наверху, и если люди не услышат ответа на свои вопросы, они и дальше будут надеяться на защиту соседнего государства – в этом видит причину митингов и захвата зданий городской голова Донецка Александр Лукьянченко” (*Бунт... с. 4*). Но что это за вопросы и кто их передавал наверх, почему на этом вершине дончан (Донбасс) не хотят слышать, почему руководство города не предпринимает действенных попыток для защиты его жителей и государства в целом, а само апеллирует к помощи (военному вмешательству) соседнего государства, журналисты ответов не дают. Более того, журналисты „ДН” даже не ставят таких вопросов.

Они описывают социальный хаос так, чтобы усугубить его, а материалы, посвященные важным для Донецка историческим событиям, людям, истории о фашистской оккупации используют в качестве прикрывающих воспоминаний, для чего выстраивают повествование таким образом, чтобы нивелировать травмирующий опыт, но акцентировать возможности нормального личного существования, культа героев и победителей. Здесь происходит и то, что Рикёр называет злоупотребление памятью.

Это характерно, например, и для материала всё того же Жарова *История создания Дворца спорта «Дружба» в Донецке* („ДН” 2014, №10 (1182), 13–19 марта). Рассказывая об Евгении Архиповиче, спроектировавшем дворец *Дружба*, в разделе *Архитектор был кавалер двух орденов Красной Звезды* журналист достаточно много места уделяет его боевым заслугам, истории получения орденов и медалей. Но он делает это в стиле лаконичного перечисления фактов и плотного нанизывания их по принципу возрастания героизма архитектора, его профессиональной самоотверженности, без какого-либо акцента на эмоциональной, моральной, физической трудности, трагичности такого рода героизма для человека, неизбежности их длительных психоэмоциональных, нравственных последствий. Кроме того, история жизни Архиповича, как и Порхунова, предстает в виде сплошных личных и социальных побед, достижений благодаря тяжелому, упорному труду и постоянной поддержке, поощрений его руководством. Это порождает не только предсказуемое чувство гордости за земляка, свой регион, но и формирует опасный культ героизма – военного, гражданского, профессионального – без учета травмирующего опыта, что влечет за собой в ситуации социально-политической катастрофы и военного конфликта патогенные последствия. Культ героев Великой Отечественной войны с неизменным нивелированием памяти о жертвах, утратах, долге и ответственности перед ними всё больше выступает в роли прикрывающего воспоминания, призванного маргинализировать, сделать неосязаемым чувство вины, долга и ответственности у читателей „ДН” за совершаемые ими события и, главное, выбор в настоящем.

На страницах „ДН” и „МГ” в тот период ни разу не был напечатан материал, в котором хотя бы упоминались хорошо известные с 60-х гг. дончанам Стела и Вечный огонь, построенные после войны на месте одного из многочисленных фашистских концлагерей; ни история сожжения заживо людей в одном из домов в центре города напротив нынешнего облсовета, о чем и повествует памятная доска; ни виселиц на месте неподалеку от нынешнего Центрального универмага, которые при фашистах никогда не пустовали; ни публичных казней партизан, подпольщиков, коммунистов, их семей, евреев, пленных советских солдат и тех, кто их укрывал. Это всё запечатлено не только в воспоминаниях очевидцев, но и в книгах известных донецких журналистов-фронтовиков, публицистов Юрия Корытного [Корытный 1998; Корытный 2003], Григория Теплякова [Тепляков 1995], Александра Соловьева [Соловьев, ред. 2003]. Так память о прошлом, сформированная на протяжении 70-ти лет после фашистской оккупации, войны многочисленными воспоминаниями очевидцев, публикациями в СМИ, разысканиями историков, краеведов, вступила в „мягкую”, но значимую конфронтацию с медиа-образами Великой Отечественной войны, которые продуцировали „ДН” и „МГ” в марте–августе 2014 г. Журналисты этих изданий „не видели”, предавали забвению те факты, а с ними и смыслы, ценности мемориальной культуры Великой Отечественной войны, которые могли остановить людей перед угрозой новой войны, её ужасов, жертв и неизбежного самоуничтожения тех, кто о них забыл.

Во-вторых, продолжали выходить рубрики с весьма объемными, порой до 1,5 разворотов, материалами, посвященными как хорошо, так и малоизвестным фактам истории Донецка. Это, прежде всего, заселение его английскими промышленниками и их семьями, Джону Юзу, основавшему город, который долго носил его имя – Юзовка, становлению металлургической промышленности, шахт и особенно эпохе расцвета СССР. Это было прошлое с чётко обозначенными хронологическими рамками: середина XIX в.–конец 80-х гг. XX в. Эпоха Перестройки – период, предшествовавший распаду СССР-а, значит, не работающий на образы величия Российской империи и СССР, не входил в круг интересов „ДН” и „МГ”. Его тоже „не видели”, предавали забвению в связи с тем, что это было однозначно

травмирующее социально-политическое прошлое, которое, продемонстрировало отсутствие единого квазинационального сознания типа „советский человек“, столь важного для мемориальной культуры, но еще более значимого для мемориальной индустрии.

Так, „ДН“ всё в том же номере №14 (1186) 10–16 апреля 2014 г. публикует материал того же Андрея Жарова со знаковым названием: *Город Донецк. Взгляд из 1984 года*. Он посвящен тому, „[...] каким видели столицу Донбасса донецкие архитекторы 30 лет тому назад“ (с. 39). Автор преднамеренно сближает и обыгрывает два исторически и культурно хорошо известных дончанам, но для них никак исторически не связанных факта. Так, 1984 г. – это последний год перед началом Перестройки, закончившейся чередой важных геополитических событий XX в. (распад СССР, конец биполярного мира и холодной войны), и 1984 – название одного из самых известных романов-антиутопий о тоталитаризме и СССР в их восприятии западным миром интеллектуалов. Жаров начинает статью с обращения к этому произведению, специально противопоставляя мрачные настроения романа и взгляды на жизнь в советском Донецке: „В 1949 году английский писатель и публицист Джордж Оруэлл издал свой знаменитый роман-антиутопию 1984, в котором заглянул в будущее (правда, не очень радостное). Но как раз именно в 1984 году, ровно тридцать лет назад, донецкие зодчие рассказали местной общественности о прошлом, настоящем и будущем архитектурного Донбасса. С самыми интересными моментами этой лекции мы и познакомим сегодня наших читателей“ (с. 39). Из статьи становится понятным, что в 1984 году донецкие архитекторы подготовили и прочли в рамках традиционных и обязательных мероприятий в Союзе архитекторов лекцию *Донецк – вчера, сегодня, завтра*. Казалось бы, что упоминание в начале статьи романа-антиутопии Оруэлла – это неуместная попытка апелляции к интеллектуальной культуре. Однако структура, общая тональность изложения материала, постоянная актуализация идей силы, мощи, перспективности и возможностей СССР („Ко второй половине 60-х годов Донецк и Макеевка уже представляли собой ядро крупнейшей в Советском Союзе промышленной городской агломерации...“ (с. 39)) позволяют говорить о преднамеренном противо-

поставлении. Здесь обнажается традиционная для биполярного мира эпохи холодной войны формула „два мира – два образа жизни”, как это определялось в языке советской идеологии, усиленном и растиражированном СМИ. По идее Жарова, 1984 оказывается и годом крушения мощи СССР, а вместе с ним и социально-политической стабильной жизни Донбасса, надежд людей на будущее, и ответом Оруэллу, всему западному миру, который способствовал 30 лет назад распаду СССР. 1990 г. должен был стать эпохальным для развития промышленности, инфраструктуры Донбасса, что неоднократно акцентируется в статье. Естественно, что эти настроения (гордости за свое недавнее прошлое, ностальгии за ним как символом и гарантией стабильной, счастливой жизни) у читателей не могли не соотноситься с современными им событиями и ситуациями. Майдан, смена политической власти в Украине, Киев должны восприниматься сквозь призму предельно идеологизированной памяти о великом и утраченном прошлом региона, процветание которого связывается журналистами с СССР.

Очарование памятью СССР, который для Донбасса так и не стал прошлым, постоянно присутствует не только в больших журналистских материалах, но и в их названиях. Особенно это четко прослеживается в „МГ”, которая крайне мало публиковала статей о прошлом Донецка, Донбасса, но кодировала память о нем в заголовках, что усиливало эффект воздействия. Языковые легко узнаваемые штампы советской эпохи, слова, взятые из песен, стихотворений, кинофильмов, решений съездов КПСС, апеллирующие к наиболее жизнеутверждающим, стабильным, позитивным событиям 60–80-х гг. XX в. или же резкого идеологического противостояния СССР и западного мира, США, закрепляются в названиях материалов о современных трагических событиях: *Экономика должна быть экономной* („МГ” 2014, №10 (661), 7 марта); *Когда мои друзья со мной* („МГ” 2014, №25 (676), 20 июня); *Ежедневный подвиг; Миру мир* („МГ” 2014, №26 (677), 27 июня); *«Я знаю – город будет...»* („МГ” 2014, №27 (678), 4 июля). Донецк (Донбасс) через языковую игру привязывался к памяти СССР как надежного прошлого.

При этом „ДН” и „МГ”, как и в случае с медиаобразами, медиасобытия Великой Отечественной войны, преднамеренно играли, точнее манипулировали, с памятью региона, формируя искаженный медиаполис, предавая забвению знаковые, но не вписывающиеся в концепцию необходимого и морально значимого страха перед социальным хаосом события. Так, на страницах „ДН” и „МГ” в марте-августе 2014 г. ни разу не были отмечены, актуализированы столь важные и показательные события гражданской войны 1918–1921 гг., как расстрел красноармейцев, гибель коммунаров. В то время как памятные обелиски, сквер на месте их гибели находится в самом центре Донечка. Этот сквер и один из старейших в городе жилых микрорайонов, остановка общественного транспорта носят название „Памяти павших коммунаров”. Трагически-абсурдный момент гражданской войны, когда белогвардейцы, „кулаки”, красноармейцы, коммунары – жители одного города, которые еще недавно были купцами, лавочниками, рабочими шахт, заводов, инженерами, учителями, крестьянами, а потом оказались идейными врагами, убийцами друг друга – стали в одинаковой мере историей и памятью, находился вне поля зрения донечких массмедиа. Даже в тех случаях, когда публиковался материал о событиях революции 1917 г. и последовавшей за ней гражданской войны, в том числе и на Донбассе, он максимально актуализировался злободневными задачами: обосновать справедливость идей обиды, бунта и сепаратизма региона. Например, тот же Жаров готовит материал с однозначным названием и лидом: *Территориальный спор между Донецкой губернией и Юго-Востоком. 90 лет назад из состава Донецкой губернии УССР были отсоединены Таганрогский и Шахтинский округа* („ДН” 2014, №19 (1191), 15–21 мая: 39). Этот материал о сложном территориальном и идеологическом делении Донбасса, корни которого уходят в историю Российской империи и 20-х гг., когда происходило становление СССР. Хотя автор и пытается показать подлинную историческую трагедию донбасских земель, их пограничное положение, неизменную принадлежность Украине, УССР, но делает вывод о том, что в 1924 г. только московская „[...] сильная центральная власть и сумела ликвидировать возникший территориальный спор. Чем

закончатся драматические события 2014 года – поживем и увидим” (с. 40). Именно такого рода вывод „мягко”, как бы ненавязчиво, через возможности и силу языка подталкивает к выводу, что и в 2014 г. только „сильная центральная московская власть должна”, как и всегда, решить столь длительное время „незатиhaющий территориальный конфликт” (с. 39).

Мемориальная индустрия, продуцируемая „ДН” и „МГ” в марте-августе 2014 г., стала искажать и даже уничтожать целостность медиаполиса Донецка. Они, через „злоупотребление памятью” (Рикёр), подменяли, заменяли действительную, основанную на морально-этических ценностях, „справедливую память” (Рикёр), долг памяти, которые должны были заставить задуматься о последствиях, вине, ответственности жителей медиаполиса Донецка и Донбасса в целом, их осколками, выхолащивая тем самым аксиологические основы и мемориальной культуры, и журналистики как социального института.

Это селективно отобранное, как бы исключительно положительное, единое, прошлое оказывается на страницах „ДН” и „МГ” не только равноправным, но и ценностно значимым героем современности наряду с трагическими и тотчас становящимися историей текущими, актуальными событиями. Это задавало сложную, лабиринтообразную референцию. Она отсылала одновременно и к устойчивым, давно ставшими идеологемами событиями, фактам, людям прошлого, и к злободневным, жизненно важным событиям, ситуациям настоящего, которое настойчиво вписывалось в двойную систему координат. С одной стороны, это реальность угрозы гибели „здесь-и-сейчас” государства, война, оккупация, разрушенные этим жизни и судьбы, а с другой – памяти о той войне, в которой победил советский народ, и к той послевоенной эпохе, когда жизнь в СССР представлялась удачной, стабильной, счастливой с ясным, понятным и уже почти выстроенным будущим. Если учесть, что многие жители Донецка старшего и среднего поколения были живыми носителями памяти не только о Великой Отечественной войне, но и о социально благополучных 60–80-х гг. XX в., то они откликнулись, т.е. были интерпеллированы, по Альтюссеру, Жижеку, окликанием, идущим от медиаполиса.

Это всё усугублялось, в-третьих, стремлением „ДН” и „МГ” апеллировать к религиозным, преимущественно, к православным ценностям, праздникам, которые после распада СССР стали возрождаться одновременно и как часть духовной культуры, и как составляющая мемориальной индустрии, но которые так не стали прочной основой мемориальной культуры Донбасса. Одна из причин тому – изначальная многонациональность, плюрализм религиозных взглядов, верований, силы атеистических убеждений и моделей поведения индустриального по своей природе и социальным задачам Донбасса, в том числе и его столицы Донецка. При этом православие на страницах „ДН” и „МГ” в основном связывается с Россией и российскими ценностями: Андрей Тютюников, *Русские монастыри глазами современников* („ДН” 2014, №15 (1187), 17–23 апреля).

Материалов, посвященных украинскому прошлому Донбасса, истории, культуре Украины крайне мало, и их публикации обусловлены невозможностью обойти такие события, как 200-летие со дня рождения Тараса Шевченко. Однако и их, хотя и вполне естественным и интересным для читателя образом, но пытаются совместить, связать с русской культурой. Например: Анатолий Жаров, *По следам рояля Глинки и Шевченко. Несколько десятилетий в донецкой области находился рояль, на котором играл Михаил Глинка и возле которого читал свои стихи Тарас Шевченко* („ДН” 2014, №7 (1179), 20–26 февраля). Эта статья и о том, почему и как появился памятник Кобзарю в Сталино. В ней опубликовано стихотворение на украинском языке Георгия Нестеренко, посвященное *Качанівському роялю*. Это тот уникальный случай, когда на страницах региональных изданий присутствовал текст на государственном языке: „ДН” и „МГ” изначально выходили только на русском языке.

Подводя общий итог, необходимо отметить, что в массмедиа Донецка в период весны–лета 2014 г. наблюдались тенденции использования созданных в эпоху СССР идеологем, образов мемориальной культуры, значимых для жителей Донбасса. „ДН” и „МГ” – два издания, активно создававших почти двадцать лет

медиаполис Донецка, целенаправленно прибегали к механизмам, приемам, моделям мемориальной индустрии для формирования настроений, ориентаций, моделей поведения у читательской аудитории. Журналисты „ДН” и „МГ” стремились через апелляцию к событиям Второй Мировой войны, фашистской оккупации Донбасса, советскому периоду жизни региона не столько показать ужасы, трагизм, сложность тех периодов истории, сколько актуализировать чувства гордости за свой регион. Культ гордости за „славное прошлое Донбасса”, культ героев и победителей, памятью о которых злоупотребляли и которые выстраивались за счет нивелирования и маргинализации памяти о жертвах, невосполнимых утратах, трагедии общества, семьи, личности, переживших военный, геополитический катаклизмы, способствовали формированию искаженных, утрированных настроений, чувств и, следовательно, поступков у читателей массмедиа. Так с помощью мемориальной индустрии, усиленной возможностями массмедиа, которым доверяли жители Донбасса, происходило то, что Нанси называет „мир перестает схватываться в виде фигуры”. Это, в свою очередь, во многом способствовало не мирному, социально цивилизованному разрешению конфликта на Донбассе, а усилению социального хаоса, конфронтации. Более того, такого рода тенденции в дальнейшем приведут к формированию запутанной и абсурдизированной мемориальной культуры Донбасса со сложной, лабиринтообразной системой референций, что не будет способствовать выстраиванию „справедливой памяти” (Рикер) и чревато новыми катаклизмами.

Бібліографія

- Адорно Т., 2005, *Что значит „проработка прошлого”*, „Неприкосновенный запас”, пг 2-3, с. 36-45.
- Ассман А., 2014, *Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика*, Москва.
- Ассман А., 2016, *Новое недовольство мемориальной культурой*, Москва.
- Ассман А., 2017, *Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна*, Москва.

- Кёниг Х., 2005, *Память о национал-социализме, Холокосте и Второй мировой войне в политическом сознании ФРГ, „Неприкосновенный запас“*, nr 2–3, s. 96–103.
- Корконосенко С.Г. (red.), 2012, *Современный российский медиаполис*, Санкт-Петербург.
- Корытный Ю.Е., 1998, *Сорок лет спустя*, Донецк.
- Корытный Ю.Е., 2003, *Исповеди*, Донецк.
- Куртин Ж.-Ж., 2002, *Шапка Клеменса (заметки о памяти и забвении в политическом дискурсе)* [w:] *Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса*, red. П. Серио, Москва, s. 54–94.
- Нанси Ж.-Л., 2002, *Невыносимость непредставимого* [w:] Рыклин М., *Деконструкция и деструкция. Беседы с философами*, Москва, s. 100–103.
- Подорога В., 2012, *Память и забвение. Т.В. Адорно и время «после Освенцима», «Новое Литературное Обозрение»*, nr 116, s. 109–130.
- Рикёр П., 2004, *Память, история, забвение*, Москва.
- Соловьев А. (red.), 2002, *Боевая и трудовая слава кировчан: Историко-документальные очерки. В 2-х книгах*, Донецк.
- Тепляков Г.В., 1995, *Испытание верности. Документальные повести и рассказы*, Донецк.
- Хабермас Ю., 2008, *Расколотый Запад*, Москва.
- Хабермас Ю., 2012, *Ах, Европа. Небольшие политические сочинения, XI*, Москва.
- Шеррер Ю., 2009, *Отношение к истории в Германии и Франции: проработка прошлого, историческая политика, политика памяти*, „Pro et Contra“, t. 13, nr 3–4, s. 89–109.
- Шестакова Э.Г., 2018, *Элементи абсурду як засоби гри з культурною пам'яттю в масовій комунікації Донбасу: весна – літо 2014 року*, „Вісник Львівського університету. Серія Журналістика“, t. 43, s. 89–100.
- Шестакова Э.Г., 2015 (а), *Память войны в региональной публицистике*, [w:] „Я должен вспомнить – это было...“. К 70-летию Великой Победы: монография, red. А.А. Степанова, Днепропетровск, s. 383–398.
- Шестакова Э.Г., 2015 (b), *Образы войны в публицистике донецких журналистов*, «Медиалингвистика», nr 4, s. 129–140.
- Шестакова Э.Г., 2015 (с), *Культурная память как песня сирен*, „Белый ворон“, nr 21, s. 248–256. Реферат этого материала на польском языке: *Dział Wschodni. Doniecki śpiew syren*, „Kultura Enter. Magazyn Internetowy“, <http://kulturaenter.pl/article/dzial-wschodni-doniecki-spiew-syren/> [dostęp: 26.04.2020 r.].
- Orgad S., 2007, *The internet as a moral space: the legacy of Roger Silverstone*, „New Media & Society“, t. 9, s. 33–41.
- Silverstone R., 2007, *Media and Morality: on the Rise of the Mediapolis*, Cambridge.
- Stevenson N., 2007, *Roger Silverstone: An intellectual appreciation*, „European Journal of Cultural Studies“, t. 10, nr 4, s. 529–533.

Streszczenie

Eleonora Szestakowa, Kultura pamięci w mass mediach Doniecka: marzec-kwiecień 2014 roku

W artykule omówiono główne mechanizmy manipulacji kulturą pamięci obserwowane w donieckich środkach masowego przekazu od marca do sierpnia 2014 roku. Problem kultury pamięci rozpatrywany jest przez autorkę w powiązaniu z pojęciami i zjawiskami pozostającymi aktualnie w kręgu zainteresowania europejskiej i amerykańskiej humanistyki, takimi jak przemysł pamięci, dług pamięci, nadużycia pamięci, pułapki niepamięci, kult bohaterów i ofiar, pamięć jako narkotyk społeczny. Praca uwzględnia także związek między kulturą pamięci a – relatywnie nowym w teorii masowej komunikacji – terminem *mediapolis*. Przegląd materiału prasowego zamieszczonego w pismach „Donetskije novosti” („Донецкие новости”) oraz „Munitsipalnaja gazeta” („Муниципальная газета”) – wydawnictwach, tworzących od niemal 20 lat *mediapolis* Doniecka – wskazuje na celowe stosowanie rozmaitych mechanizmów, technik i modeli przemysłu pamięci dla formowania nastrojów, poglądów i zachowania odbiorców. Przez odwołania do wydarzeń II wojny światowej, faszystowskiej okupacji Donbasu, a także sowieckiego epizodu w historii regionu tytuły te nie pokazują grozy, tragizmu, złożoności tego okresu, ale budują kult „chwalebnej przeszłości”, jej bohaterów i triumfatorów. Odbywa się to kosztem marginalizacji pamięci o ofiarach, kombatanach wojennych, tragediach i stratach społecznych oraz osobistych czy katastrofie geopolitycznej, prowadząc do rozniecania przejawskrawionych uczuć patriotycznych wśród czytelników. To z kolei przyczyniło się do nasilenia społecznego chaosu i potrzeby militarnej konfrontacji, a w rezultacie – porzucenia myśli o pokojowym rozwiązaniu konfliktu w Donbasie.

Summary

Eleonora Shestakova, Culture of memory in the mass media of Donetsk: March-April 2014

The article discusses the main mechanisms of memory culture manipulation, observed in the Donetsk mass media from March to August 2014. The problem of the culture of remembrance is considered by the author in connection with the concepts and phenomena that are currently of interest to the European and American humanities, such as the memory industry, memory debt, memory abuse, oblivion traps, the cult of heroes and victims, memory as a drug social. The work also takes into account the relationship between the culture of memory and the term *mediapolis*, which is relatively new in the theory of mass communication. The review of the press material in the magazines „Donetskije novosti” („Донецкие новости”) and „Munitsipalnaja gazeta” („Муниципальная газета”) – publications, which have been creating various media, technical and various mechanisms for almost 20 years, indicate models of the

memory industry for the formation of moods, views and behavior of recipients. By referring to the events of World War II, the fascist occupation of Donbas, as well as the Soviet episode in the history of the region, these titles do not show the horror, tragedy, and complexity of this period, but build the cult of the „glorious past”, its heroes and triumphs. This takes place at the cost of marginalizing the memory of the victims, war veterans, tragedies and social and personal losses, or a geopolitical catastrophe, leading to an increase in over-glaring patriotic feelings among readers. This, in turn, contributed to the intensification of social chaos and the need for military confrontation, and, as a result, abandoning the idea of a peaceful solution to the conflict in Donbas.